

И.А. ИЛЬИН О ПОЭЗИИ Е.А. БОРАТЫНСКОГО И Ф.И. ТЮТЧЕВА³²⁹

Сопоставление тем и мотивов, образных систем, форм словесной выразительности, а также отдельных стихотворений Е.А. Боратынского и Ф.И. Тютчева – задача, привлекающая внимание исследователей русской поэзии с начала XX столетия. Одним из первых на этом пути был, как известно А. Белый, попытавшийся определить, чем отличаются образы неба, месяца, солнца в художественных мирах, созданных А.С. Пушкиным, Тютчевым и Боратынским³³⁰. Во второй половине XX столетия исследовательский интерес к сравнению произведений поэтов не угас. И.Л. Альми, например, поставила вопрос о том, что есть родственного в стихотворении Тютчева «О чём ты воешь, ветр ночной?..» и в «Недоноске» Боратынского³³¹. Более широкая проблема – проблема типов философского и психологического сознания в лирике этих поэтов – анализируется в диссертации Л.М. Щемелевой³³². В настоящее время исследователи тоже сопоставляют отдельные аспекты поэтики произведений Тютчева и Боратынского. В частности, В.П. Океанский сравнивает особенности художественного пространства в произведениях Тютчева и Боратынского, рассматривая их лирику как метафизическую³³³. Философичный характер произведений этих поэтов порождает вопрос о том, как их стихотворения восприняты русской философской мыслью, во многом, как обычно считается, «литературоцентричной». Интересно проследить за тем, как понимал этих поэтов особенно «литературоцентричный» философ И.А. Ильин, нередко обращавшийся в своих работах к произведениям русских поэтов и писателей.

Хотя Ильин и не посвятил специальной статьи или лекции ни Боратынскому, ни Тютчеву, это не означает полного отсутствия интереса у философа к этим поэтам. Как показывает М.Р. Тарасова в книге «И.А. Ильин –

литературный критик», в опубликованных работах Ильина стихотворения Боратынского упоминаются 14 раз, а Тютчева – 44. Эти цифры позволяют предположить, что поэзия Тютчева была Ильину более интересна или, возможно, более близка, чем лирика Боратынского. Однако количественные данные не дают представления о том, как именно стихи поэтов встраиваются в философские построения Ильина, для каких именно идей философа «прибегает к помощи» Тютчева, а для каких – Боратынского. Это тем более интересно, если иметь в виду заключение И.Л. Горыниной, которая, проанализировав такие работы философа, как «Путь духовного обновления», «Одинокий художник», «Основы художества», отмечает (в статье «И.А. Ильин о Тютчеве»), что «для Ильина тютчевский гений безусловно целен и целителен»³³⁴. В свою очередь, Боратынский, как показано в одной из наших статей, мыслится Ильиным как один из «великих русских поэтов» пушкинской поры, в его лирике выразилось глубокое понимание индивидуально-личных творческих процессов, а также глубокое «прозрение» исторических и духовных законов³³⁵.

В настоящей работе особое внимание уделено вопросу о функциональном соотношении стихов Тютчева и Боратынского в статье философа «Россия в русской поэзии». Чем обусловлен выбор именно этого текста, ведь произведения обоих поэтов возникают и в других статьях или лекциях философа? Дело в том, что, по сравнению с другими работами, в этой статье Ильин особенно часто обращается к произведениям Боратынского. Кроме того, именно здесь возникают стихотворения обоих поэтов, и Боратынского, и Тютчева, что и делает эту лекцию показательной с интересующей нас точки зрения.

Думается, попытка ответа на поставленный вопрос не только позволит с нового ракурса – сквозь призму философии Ильина – взглянуть на произведения поэтов, но и, с другой стороны, на конкретном примере проследить за тем, как происходит процесс взаимодействия русской литературы и философии.

Круг вопросов, рассмотренных в лекции «Россия в русской поэзии», чрезвычайно широк. Среди них и проблема «географического детерминизма», то есть вопрос о том, как природные особенности влияют на характер нации, и проблема отражения духа отдельного народа в его языке, в его поэзии как высшей форме языка; а также отдельные историософские вопросы, связанные, преимущественно, с осмыслением трагического пути российской истории. Однако важнейший идейно-тематический комплекс лекции сосредоточен вокруг главной темы – России, Родины. Как хорошо

³²⁹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17–18– 01432-П).

³³⁰ Белый А. Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Белый А. Поэзия слова. Петербург: Эпоха, 1922. С. 7–20.

³³¹ Альми И.Л. Три воплощения темы хаоса в русской лирике 30-х гг. XIX в. (Пушкин, Баратынский, Тютчев) // Альми И.Л. Статьи о поэзии и прозе. СПб.: Издательство «Семантика-С»-«Скифия», 2002. С. 495–499.

³³² Щемелева Л.М. Типы философского и психологического сознания в лирике XIX в. (Баратынский, Тютчев, Лермонтов): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1975.

³³³ Океанский В.П. Поэтика пространства в русской метафизической лирике XIX века: Е.А. Баратынский, А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев. Иваново, 2002.

³³⁴ Горынина И.Л. И.А. Ильин о Ф.И. Тютчеве // Гуманитарное знание. Вып. 6. Омск, 2002. С. 173.

³³⁵ Анохина Ю.Ю. Поэзия Е.А. Боратынского в восприятии И.А. Ильина // Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского / Отв.ред. Е.А. Тахо-Годи. – М.: Водолей, 2019. С. 489.

известно, для Ильина эти слова никогда не были чем-то отвлечённым. Для философа Родина была постоянным предметом философствования, что отразилось, например, в его статье «О России. Три разговора» (1926–1933), а также в менее известных статьях, например, «Кризис русской интеллигенции» (1934).

В статье «Россия в русской поэзии» Россия интересует автора в двух отношениях. В первой части Ильин рассуждает об особой одухотворённости русской природы, а во второй он размышляет об историческом пути России. Особенность лекции-статьи «Россия в русской поэзии» состоит в том, что предметом философствования здесь становится не столько природа России или её история, сколько русская поэзия, воплотившая, с точки зрения Ильина, и природное, и историческое начала. Здесь стихотворения русских поэтов перестают быть только иллюстрацией философских идей, как это зачастую происходит в других работах философа. Как признаёт сам философ в начале, цель этой лекции состоит в том, чтобы путём обращения к русской поэзии, кристаллизующей язык, хранящий сущность России и её дух, дать возможность слушателям – русским эмигрантам, ощутить причастность, причастность к оставшейся далеко России. Дело в том, что эту лекцию Ильин читал за рубежом: в Берлине в 1935 г., в Риге в феврале 1937 г.; в Цюрихе в декабре 1940 г. была прочитана первая часть и в апреле 1941 г. – вторая. Показательно, что по признанию самого философа в перерыве между лекциями в Австрии ему нередко вспоминалось стихотворение Тютчева «Нам не дано предугадать...» (1869)³³⁶.

Итак, все рассуждения Ильина в этой работе построены, главным образом, на двух идеях. В первой части лекции в центре его внимания – мысль об особой одухотворённости русской природы. Центральная идея второй части – духовная природа постигнутого Россией кризиса. При этом, в ходе изложения своих идей Ильин опирается на стихотворения русских поэтов. Лирика становится одновременно и предметом философствования, и, вместе с тем, материалом, иллюстрирующим те или иные положения философа. Особое место среди цитируемых произведений занимают стихотворения Тютчева и Боратынского.

В начале лекции Ильин определяет, в чём состоит сущность России. С его точки зрения, эта сущность, складывается из двух неразрывно связанных между собой начал: земного и идеального. Согласно Ильину, существует Россия земная, здешняя, данная в географических границах и численности народонаселения. С другой стороны, есть иная Россия – духовная, незримая, древняя, манящая, Россия как материнское лоно, дающее силы всему русскому народу. Неудивительно, что эту идею Ильин подкрепляет стихотворением А.К. Толстого, адресованным славянофилу И.С. Аксакову

«Судя меня довольно строго...». Ещё Ильин вспоминает здесь о Тютчеве, близком славянофилам. Он цитирует его стихотворение «Эти бедные селенья...» (1855). Ильин понимает это произведение так: «За Россией земной – живет, созерцает, поет, молится и творит Россия духовная». Она-то и есть «наше материнское лоно, наше детская колыбель, вскормившая нас духовная и незримая природа»³³⁷.

Одна из принципиальных идей лекции состоит в том, что русские поэты не только умели мыслью воспарить над земной действительностью, но и умели вникнуть в житейские «земные» детали, детали русского быта, и художественно их воплотить. Согласно Ильину, благодаря тому, что бытовое привлекает внимание поэта, сама «повседневность становится поэтическим предметом»³³⁸. В поэзии Боратынского философ находит пример, подтверждающий эту мысль. Он цитирует его эпиграмму «Люблю деревню я и лето...», (1828) отмечая: «А вот Боратынского в деревне одолевают комары и гости; и комарам он прощает, а гостям – нет»³³⁹. Кроме Боратынского, точное изображение быта находит в поэзии П.А. Вяземского, В.А. Жуковского, М.В. Ломоносова, Н.М. Языкова, М.Ю. Лермонтова и Н.А. Некрасова.

Ильин подчёркивает, что вниманием к бытовому не ограничен предметный круг произведений русских поэтов, чутко воспринимавших «природу целиком». Важнейшим достижением русской поэзии стало то, что она создала «некое самобытное метафизическое и религиозное восприятие природы – в высокой степени русское и национальное»³⁴⁰. Одним из создателей такого понимания природы Ильин считает Тютчева. «Гневной защитой природы» философ называет знаменитое тютчевское стихотворение «Не то, что мните вы, природа...» (1836). Вслед за Тютчевым философ обвиняет в намеренной, осознанной слепоте тех, кто не желает прозреть духовное начало в природе: «Слепы те, кто <...> не понимают того, что природа несет нам откровенное и божественное»³⁴¹. В Тютчеве Ильин видит того, кто постиг «богооткровенную тайну природы и мироздания». Эту тайну, согласно философу, поэт «не уставал раскрывать и воспевать в течение всей своей жизни»³⁴². С точки зрения Ильина, такое восприятие природы характерно не только для Тютчева. Натурфилософская глубина, с точки зрения Ильина, присуща и стихотворениям К.Н. Батюшкова, Е.П. Зайцевского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.К. Сологуба. При этом Ильин подчёркивает, что стиль тех поэтов, в чьих созданиях отразилось такое восприятие природы, индивидуален. «Философскую задачу несравненной прелести» Ильин

³³⁷ Ильин И.А. Россия в русской поэзии // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. С. 207.

³³⁸ Там же. С. 212–213.

³³⁹ Там же. С. 213.

³⁴⁰ Там же. С. 219.

³⁴¹ Ильин И.А. Указ. соч. С. 221.

³⁴² Там же. С. 221.

³³⁶ См. комментарий к статье «Россия в русской поэзии» в изд. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993–1999: Т. VI. Кн. 2. 1996. С. 650. В дальнейшем: Ильин И.А. Собр. соч. Т. С.

видит в том, чтобы показать «на созданиях наших поэтов, что у каждого из них свой особый поэтический акт, при помощи коего он внемлет гласу Бога, сокровенно звучащего в природе»³⁴³. Боратынский тоже оказывается в ряду тех поэтов, в чьих созданиях обнаруживается «Боговдохновенное» восприятие природы, при этом – вместе с Тютчевым – «среди самых могучих» по способности созерцать³⁴⁴. Ильин намечает и один из путей, каким эту «философскую задачу» можно было бы решить: «Как чудесно сравнить водопад, воспетый Державиным, Вяземским, Баратынским и Языковым. Как дивно внять беспредельному, поющему в созданиях Тютчева»³⁴⁵. Так, Тютчев и Боратынский поставлен в один ряд с русскими поэтами, глубоко и верно почувствовавшими одухотворённость русской природы и сумевшими воплотить её в произведениях.

Во второй части статьи натурфилософскую проблематику сменяет историософская. Одна из важнейших особенностей русской поэзии, по Ильину, состоит в её способности проникать во все явления бытия, и наиболее драматичные события давней и актуальной истории не оставалась без внимания русских поэтов. Среди примеров из поэзии Батюшкова, Жуковского, Пушкина и других Ильин приводит стихотворение Тютчева «Теперь тебе не до стихов...» (1854). Это произведение в контексте лекции призвано напомнить о том, «как содрогнулось сердце Тютчева перед севастопольской компанией»³⁴⁶.

Драматичными событиями история России изобилует, и долгое время, по Ильину, русские люди могли нести это «бремя своей борьбы» благодаря религиозной вере: «Вера в Бога давала русскому народу – живую совесть, мудрое терпение, тихое трудолюбие, умение прощать и повиноваться»³⁴⁷. Однако источник веры «замутился», когда «в первой половине XIX века русская интеллигенция научилась у Вольтера нигилистической улыбке, а у Байрона богоборческой позе»³⁴⁸. Ярчайшим свидетельством того, что это воздействие имело место, является русская поэзия. Его не избежал, с точки зрения Ильина, и Боратынский, что подтверждает его стихотворение «В дни безграничных увлечений...» (1831). Как полагает философ, именно байроническое влияние, отразившееся в этом произведении, объединяет его со стихотворениями «Демон» Пушкина, «Мой демон» Лермонтова и

«Бывают дни, когда злой дух меня тревожит...» А.К. Толстого. «Демоническая ирония», которую от Байрона переняли русские умы, имела роковое значение для русской истории: «Из этого скрещения демонической иронии и рассудочной полунауки – начал возникать тот душевный уклад, который имел сначала вид светского разочарованного снобизма, потом позитивистического нигилизма, потом нигилистической революционности»³⁴⁹.

В эстетической концепции Ильина истинный поэт – непременно пророк, поэтому неудивительно, что в его представлении русские поэты предчувствовали революцию и предсказали её в своих произведениях: «Не подлежит никакому сомнению, что русская поэзия предчувствовала и предвидела и этот вздымающийся дух [дух безбожия], и назревающее революционное крушение»³⁵⁰. Такого рода провиденциализм свойственен и поэзии Тютчева. Философ вспоминает о двух его произведениях: «Наш век» (1851) и «Ужасный сон отяготел над нами...» (1863). Ильин сравнивает «пророчества» Тютчева со стихотворением Хомякова «Помнишь, по стези нагорной...» (1859) и показывает, как по-разному поэты определяют природу будущей революции. В произведении Хомякова на первом плане оказывается «мировой характер грядущей борьбы», поэт подчёркивает её «духовно-очистительное значение»³⁵¹. Тютчев, в свою очередь, сосредоточен на внутренней, религиозной сущности назревающей революции.

Россия, по Ильину, переживает состояние глубокого и затяжного кризиса, в котором революция 1917 г. стала одним из этапов. Согласно философу, этот кризис имеет духовную природу и он может быть преодолён. Сама идея возможности выхода из кризисных состояний тоже отражена в произведениях русских поэтов: например, в стихотворении Боратынского «Когда исчезнет омраченье...» (1832–1833). Ильин называет это произведение «вопрошающим призывом»³⁵². Такое прочтение позволяет понять, почему в одном из самых пессимистичных стихотворений поэта философ видит вселяющее надежду произведение. И хотя философ признаёт, что нельзя назвать тот час, когда русскому народу откроется возможность увидеть «луч блестящий всеозаряющего дня», и никто из поэтов «не укажет его», всё же философ полагает, что во многих произведениях русских поэтов содержится указание на то, как именно можно выйти из этого кризиса. Ильин считает, что путь, по которому следует пойти русскому народу, – религиозный: «Нынешнее трагическое время требует от нас, во-первых, очищения души от страха и страстей, покаянного очищения в беде и в скорби. Во-вторых, веры в Бога»³⁵³. Очень точно, по мнению философа, эта мысль

³⁴³ Там же. С. 223.

³⁴⁴ Созерцать, по Ильину, значит «духовно видеть, быть способным воспринимать и чувственные, и нечувственные предметы». «Творческое созерцание – обостренная отзывчивость на все значительное и совершенное, прозревать за бытом бытие, сокровенную глубину мира и человека» (См.: Тарасова М.Р. И.А. Ильин – литературный критик: учебное пособие. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2006. С. 115)

³⁴⁵ Ильин И.А. Указ. соч. С. 223.

³⁴⁶ Там же. С. 233.

³⁴⁷ Ильин И.А. Указ. соч. С. 240.

³⁴⁸ Там же. С. 241.

³⁴⁹ Там же. С. 245.

³⁵⁰ Там же. С. 247.

³⁵¹ Там же. С. 248.

³⁵² Ильин И.А. Указ. соч. С. 255.

³⁵³ Там же. С. 256.

передана в стихотворении «Ахилл» (1841) Боратынского: «Ахилл был весь закален и неуязвим, кроме одной пяты. А мы со всех сторон, целиком открыты страданию, и только одна пята души неуязвима у нас – это вера, на которую мы должны стать как на непоколебимую опору»³⁵⁴.

Итак, в лекции «Россия в русской поэзии» Ильин цитирует пять стихотворений Тютчева: «Эти бедные селенья...», «Не то, что мните вы, природа...», «Теперь тебе не до стихов...», «Наш век», «Ужасный сон отяготел над нами...» и четыре стихотворения Боратынского: «Люблю деревню я и лето...», «В дни безграничных увлечений...», «Когда исчезнет омраченье...», «Ахилл». Эти произведения позволяют философу более ёмко и точно объяснить суть целого ряда идей. Стихотворение Тютчева «Эти бедные селенья...» отражает мысль о существовании двух России – земной и духовной. Взаимосвязью зримого и идеального Ильин объясняет то, что даже самое ничтожное, бытовое не остаётся без поэтического осмысления, как это происходит, например, в стихотворении Боратынского «Люблю деревню я и лето...». Однако наиболее ярко духовное начало проявляет себя в величии русской природы, что явственно прозрел Тютчев и раскрыл в стихотворении «Не то, что мните вы, природа...». Переходя к размышлениям об историческом пути России, Ильин подчёркивает, что если раньше все кризисные состояния русскому народу удавалось преодолевать «силою религиозной веры», то со второй половины XVIII в. это постепенно становилось всё менее возможным, когда русская интеллигенция начала испытывать на себе нигилистическое влияние Вольтера, усугубившееся в начале XIX столетия «демоническим» влиянием Байрона. Влияние последнего особенно явственно прослеживается в стихотворении Боратынского «В дни безграничных увлечений...». Этот духовный нигилизм, обновившись влиянием Маркса и Ницше, привёл к кровавым событиям в начале XX столетия. Ильин видит предчувствие этих событий в тютчевском стихотворении «Ужасный сон отяготел над нами...». Стихотворение Боратынского «Когда исчезнет омраченье...» подтверждает мысль философа о том, что любые кризисные состояния преодолеваемы. Сущность того пути, следование которому приведёт к выходу из охватившего Россию кризиса, раскрывается в стихотворении Боратынского «Ахилл». Анализ статьи «Россия в русской поэзии» показывает, что Боратынский и Тютчев не противопоставляются друг другу, они оба оказываются представителями той русской поэзии, что сумела создать особое восприятие природы и оказалась чуткой к историческим событиям.

*Григорий Соломонович Зобин,
старший научный сотрудник
Государственного музея истории
русской литературы им. В.И. Даля,
член «ИПО «Багратион»*

ДАЛЬНЕЕ ЭХО (НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ БОРАТЫНСКОГО)

В мае 1812 г. Евгения Боратынского привезли в Петербург для последующего его определения в Пажеский корпус. Это было одно из самых привилегированных учебных заведений Российской империи: молодые люди, как правило, выпускались из него офицерами в полки старой гвардии. В середине июня, когда Боратынский готовился к поступлению в корпус, в Петербург пришло известие, что Наполеон со своей армией перешёл Неман. С тревогой следили за военными реляциями жители невольской столицы. В августе в Пажеском корпусе прошёл досрочный выпуск: 38 пажей были выпущены офицерами в действующую армию. Боратынского приняли в корпус в начале октября. Несколько дней спустя наполеоновская армия покинула Москву.

Первые годы учёбы Боратынского пришлось на время окончания Отечественной войны и заграничных походов русской армии. Тогда же неподалёку в Царскосельском лицее учились его будущие друзья и собратья по перу – Дельвиг и Пушкин.

*«Дельвиг, Пушкин, Боратынский,
Русской музы близнецы...»*

Так скажет о них позже в стихотворении «Поминки» П.А. Вяземский³⁵⁵. Все трое принадлежали к поколению «детей двенадцатого года». Узнав о взятии французами Москвы, 7 сентября 1812 г., 14-летний Дельвиг написал одно из первых своих стихотворений – «Русскую песню»:

*Как разнесся слух по Петрополю,
Слух прискорбнейший россиянину,
Что во матушку Москву каменну
Вошли варвары иноземныи.³⁵⁶*

Герой «Русской песни», отставной инвалид-сержант, потерявший руку в итальянском походе Суворова, благословляет сына на битву такими словами:

³⁵⁴ Там же. С. 356.

³⁵⁵ П.А. Вяземский Соч. в 2-х т. Т. I. – М.: Худож. литература, 1982. С. 353.

³⁵⁶ А.А. Дельвиг. Стихотворения. – М. – Л.: Сов. писатель, 1963. С. 93.